

TATIANA KANANOWICZ

<http://www.orcid.org/0000-0002-1156-5934>

Uniwersytet Gdański

КРАСОТА ПРОСТОРЕЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ)

THE BEAUTY OF SUBSTANDARD LANGUAGE (ON THE BASIS OF THE MASS CULTURE TEXTS)

In the article, the widespread occurrence of substandard language in the Russian public space is related to changes in cultural paradigms and the uprising of a new type of culture — a mass (popular) one. The formation of the new paradigm is accompanied by changes in the statuses of the sender and the receiver. The last one gains the right to speak his own language and this language is a substandard one. In the article, the extracts from the mass culture texts are discussed, in which substandard language becomes an element of aesthetics and poetics, which leads to changes in the reception of beauty and ugliness in language.

Keywords: substandard language, mass culture, aesthetics, a norm of literary language

Как известно, одной из задач нормативной лингвистики и культуры речи является забота об эстетике речевой деятельности, что находит отражение и при определении речевой нормы¹. Норма — это не только то, что правильно, но и то, что красиво. С этой точки зрения просторечию как одной из функциональных разновидностей русского языка, которая в ряду *литературное — разговорное — просторечное* маркирует ненормативную сниженность языковых единиц (в отличие от разговорной нормативной сниженности), долгое время отказывали в праве быть красивым. Далее в статье будут рассмотрены примеры использования просторечия как стилистического средства в произведениях современной массовой культуры, которые могут

¹ A. Markowski, *Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne*, PWN, Warszawa 2006, с. 18–19, см. также В.И. Беликов, Л.П. Крысин, *Социолингвистика*, Российский государственный гуманитарный университет, Москва 2001, с. 24–26.

свидетельствовать об изменении в восприятии этого явления в русском речевом пространстве.

В качестве исследовательского материала были привлечены тексты массовой культуры, которые пользуются популярностью среди русскоязычных зрителей/слушателей/ пользователей Интернета. Во-первых, это музыкальные произведения поэта-песенника Семена Слепакова, канал которого на YouTube собрал 1,42 миллиона подписчиков²; во-вторых, это первый сезон сериала режиссера Антона Маслова *Вампиры средней полосы* (2021), который в рейтинге IMDb получил 7,6 баллов из 10, а в рейтинге Кинопоиска — 8,336 баллов из 10³.

Наблюдая за процессами, происходящими в современном русском языке с начала 1990-х гг., лингвисты стали говорить о невиданной прежде и не характерной для русского языка коллоквиализации, жаргонизации и вульгаризации практически всех сфер публичного дискурса, состоящих в проникновении «в литературный речевой оборот таких средств, которые до недавнего времени считались принадлежностью некодифицированных подсистем русского национального языка»⁴. Одной из таких подсистем является русское просторечие. Следует напомнить, что просторечие — сложная, многоуровневая и неоднородная категория. Прежде всего оно находится на пересечении двух стратификаций — социальной и функциональной. С точки зрения социальной стратификации просторечие представляет собой определенный социолект и традиционно определяется как «речь необразованного или полуобразованного городского населения, не владеющего литературными нормами»⁵. Как функциональная категория просторечие обслуживает сферу обиходно-бытового общения и включает в себя находящиеся за пределами литературного языка явления, часто характеризующиеся сниженной экспрессией⁶. Такая постановка вопроса с неизбежностью влекла за собой негативную оценку просторечия

² <https://www.youtube.com/@SemenSlepakov>.

³ <https://myshows.me/view/65736/>.

⁴ Л. П. Крысин (отв. ред.), *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков*, Языки славянских культур, Москва 2008, с. 15.

⁵ В. И. Беликов, Л. П. Крысин, *Социолингвистика*, Российский государственный гуманитарный университет, Москва 2001, с. 34.

⁶ Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев (ред.), *Городское просторечие: проблемы изучения*, Наука, Москва 1984, с. 3.

как явления ненормативного, непрестижного, неэстетичного⁷, ср. высказывание Лидии А. Киселевой по этому вопросу:

[в рамках нормоцентрического подхода] просторечие рассматривается с позиций литературного языка и обнаруживает отрицательные характеристики, отчего складывается впечатление, что просторечие — язык, не достигающий до литературного языка с его нормированностью и стилистической дифференцированностью⁸.

В контексте активных процессов проникновение просторечия в публичное пространство также оценивается как засорение языка.

Такой подход регистрируется и в некоторых текстах культуры, в которых просторечие используется как стилистическое средство для создания негативной характеристики персонажей. Так, например, в детективных романах Дарьи Донцовой просторечные элементы включаются в речь малообразованных героев, представленных чаще всего продавщицами, дворниками, уборщицами, рабочими, безработными бомжами и алкоголиками. Автор включает в их речь просторечные лексические элементы диалектного или полудиалектного характера (*примотаться* в знач. 'прицепиться', *девка* в знач. 'девушка', *обсасывать* в знач. 'излишне подробно, в деталях рассматривать что-л.', *заклинить* в знач. 'сосредоточить кого-л. на какой-л. навязчивой мысли; заставить кого-л. постоянно думать о чем-л.', *дотумкать* в знач. 'додуматься'⁹ и мн. др.). Впечатление малограмотности создается не только просторечной лексикой, но и другими средствами: акцентологическими (неправильное ударение), морфологическими (неправильные формы глаголов в повелительном наклонении, неправильные падежные формы существительных и проч.), ср.:

— Это что?! — продолжала вопить теща Костина.
Я проглотила смешок и ответила:

⁷ Л. П. Крысин, *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*, Наука, Москва 1989, с. 55.

⁸ Л. А. Киселева, *Городское просторечие. 25 лет спустя*, «Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement» 2009, № 2, с. 69.

⁹ Стилистическая характеристика слов и выражений, а также их значения здесь и далее приводятся по словарям: Д. И. Квеселевич, *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*, АСТ, Москва 2005; Р. И. Розина (ред.), *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*, Азбуковник, Москва 1999.

КРАСОТА ПРОСТОРЕЧИЯ...

– Мопсы.

– Мопсы? — переспросила милая родственница, делая ударение на букву «ы». — Мопсы? Немедленно уберите, нам мопсов не надо, без мопсов обойдемся. Это свадьба, а не хаханьки! (*Камасутра для Микки-Мауса*).

– *Погодь!* — ревел супружник. — Дай пламя водой залью (*Камасутра для Микки-Мауса*).

– А ну, Кланька, *вымай* денежки (*Камасутра для Микки-Мауса*).

– Ах, зараза липучая, — зашипела Лика, — сколько *разов* говорено: не *приходи* сюда! (*Ангел на метле*).

– Что ты там увидела забавного?

– Поняла *ейную* хитрость (*Ангел на метле*).

В языковом плане этим группам чаще всего противопоставлен главный герой или героиня, образованные интеллектуалы, которые или бывают вынуждены переходить на язык собеседника, чтобы тот их понял, или исправляют их речь. С их помощью автор реализует познавательную-дидактическую функцию: главный герой не только хорошо образован и начитан, он еще и является образцом правильной речи, на который может (и должен) ориентироваться читатель¹⁰.

Представляется, что такой подход по умолчанию предполагает следующее: раньше люди говорили лучше, чище, образованные люди не использовали (или по крайней мере старались не использовать) просторечие.

Но так ли это на самом деле? Может быть, дело не в том, что люди не использовали просторечия, а в том, что им не давали права голоса, в том числе и при помощи так, а не иначе сформулированной нормы, которая не отражала многообразия и сложности реальной языковой ситуации? Косвенным подтверждением этому можно считать слова Хельмута Яхнова, который уже

¹⁰ Более подробно я пишу об этом в статье Т. Синявская-Суйковская, *Речевое поведение русских в романах Д. Донцовой: интержаргон и речевая агрессия* // Т.М. Григорьева (ред.), *Язык и социальная действительность*, Сибирский федеральный университет, Быдгощ–Красноярск 2009, с. 108–117; Т. Синявская-Суйковская, *Что можно узнать о России из женских детективов: культура повседневности и особенности речевого поведения россиянок* // J. Mampe, Ł. Owczinnikowa (ред.), *Socjolingwistyczne badania w teorii i praktyce: ujęcie interdyscyplinarne*, t. 2, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2015, с. 76–91.

в 1983 г. в отзыве на книгу *Русская разговорная речь*¹¹ писал: «Наконец-то русские лингвисты обратили внимание на то, как говорят русские люди»¹².

Сторонники этого подхода связывают проникновение в публичное пространство ненормативных элементов со сменой культурных парадигм и возникновением нового вида культуры — массовой (популярной) культуры, которая пришла на смену прежнему противопоставлению *высокое — низкое* (высокое — высокая, элитарная культура, низкое — народная культура)¹³. Возникновение новой парадигмы объясняется изменением статусов отправителя-получателя и перераспределением ролей в глобальной системе коммуникации: асимметрия в отношениях отправителя и получателя сменяется симметрией, установка на односторонний контакт сменяется установкой на обмен, ср. высказывание польского исследователя разговорного языка Яцека Вархали:

Kulturę elitarną rozumiem jako monolog nadawcy, czyli konceptualizację świata nadawcy, kulturę masową zaś — jako mówienie ze względu na odbiorcę, a więc jego językiem, konceptualizując świat odbiorcy¹⁴.

Как отмечает ученый, массовая культура генетически связана с разговорным языком, в том числе и просторечием, она его проводник и его стихия¹⁵.

Имея в виду вышесказанное, обратимся к некоторым текстам культуры, в которых стилистическая функция просторечия состоит не в критике речевого поведения персонажей с точки зрения высокой (высокомерной) культуры, а в подчеркивании его (поведения) самобытности и оригинальности.

Такую функцию просторечие выполняет в текстах песен народного любимца — поэта-песенника Семена Слепакова. Твор-

¹¹ Е. А. Земская (отв. ред.), *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*, Наука, Москва 1983.

¹² Цит. по Е. В. Титова, *О стилистическом статусе просторечия в русском языке (лексикографический обзор)*, «Вестник Санкт-Петербургского университета, сер. 9», 2009, вып. 3, с. 306–311.

¹³ См. Н. И. Толстой, *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Индрик, Москва 1995; В. В. Химик, *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*, Филологический факультет СПбГУ, Санкт Петербург 2000; J. Warchala, *Kategoria potoczności w języku*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2003.

¹⁴ J. Warchala, *Kategoria potoczności w języku...*, с. 201.

¹⁵ Там же.

КРАСОТА ПРОСТОРЕЧИЯ...

чество Слепакова — это своего рода гимн обыденности, но при этом — социокультурный и речевой портрет эпохи, причем оба не бескритичны. Во многих случаях поэт иронизирует, насмеяется, подшучивает, но делает это с огромной любовью. В его на первый взгляд незатейливых и грубых текстах закодированы национальные ценности: дружба, любовь, семья, родина. Лирические герои песен артиста — обычные люди, которые рассказывают истории из жизни на своем собственном языке, основной пласт которого составляют широко понимаемые просторечные элементы, в частности:

— грубо-просторечные или вульгарные синонимы общеязыковых номинаций: *нех*р есть* — нечего есть, *народ живет в г*вне (по уши в г*вне)*, в *ж*пе* — народ плохо живет, *баба* — женщина, *трахать* — заниматься сексом, *отмаз* — отговорка, *п*здить* — красть, *херня* — вещи (любые), *охренеть* — удивиться, *ужрат* (в говно) — много выпить (ср. из текста: *я буду ужрат*), *табло* — лицо, *попец* — задняя часть тела и мн.др., ср.:

В пятницу утром я уже рад, что к вечеру буду зверски *ужрат*,
Что где-нибудь между шестью и семью, я превращусь в озорную свинью.
И буду в трусах танцевать Макарену, хватать за *попец* бухгалтершу Лену,
Кричать ей, что начальник — *м*дло*, и получу от охраны в *табло*.

(Гимн офисного работника)

— грубо-просторечные и ругательные обращения: *козел*, *дурак*, *м*дак*, *дебил*, *собачий хрен*, *полный ноль*, *не мужик*, *олень*, *дрянь*, *падла*, *мразь* и мн.др., ср.:

А ты сама *козёл*, а ты сама *дурак*,
Сама зачем привёл в дом алкашей, *м*дак*!
Сама ты *импотент* и ты сама — *дебил*,
Сама — *собачий хрен*, сама мне жизнь сгубил!

А ты сама — *свинья*, а ты сама — *подлец*,
Сама ты — *полный ноль*, сама как твой отец,
Сама ты *не мужик*, и ты сама — *олень*,
И на диване ты сама пердишь весь день!

(Сама козел)

— разговорные и просторечные заполнители пауз: *типа*, *блин*, *бля*, *сука*, *хоба*, *нах*й* и т.д., ср.:

И вот ты вышел такой, *бля*, *хоба*

Ща покажу вам, кто здесь папа
 Всех вас заставлю меня бояться
 Руки, б*ть, мыть, сидеть, сука, дома
 (Вирусная)

Просторечные элементы становятся также базой для многочисленных стилистических приемов, в основе которых лежит, в частности, многозначность просторечных слов: *говно* 1 — ‘плохо’, *говно* 2 — ‘плохие люди’, *ж*па* 1 — ‘часть тела’, *ж*па* 2 — ‘плохо’, *курица* 1 — ‘пищевой продукт’, *курица* 2 — ‘глупая женщина’, ср. примеры из текстов:

Весь народ живет в г*вне, а г*вно живет вполне.
 (Патриотическая)

Вали обратно ты в ж*пу крысы
 А в нашу ж*пу больше не суйся
 Пусть сидит каждый в своей, бл*ть, жопе
 И не мешает сидеть другому
 (Вирусная)

Свежая курица, лежит в холодильнике, вкусная курица.
 Лежит и не жарится, лежит и не варится, пока во дворе, ее тезка паркуется!
 (Курица)

Одной из выразительных стилистических черт творчества Слепакова является эвфемистическое обыгрывание в его песнях грубо-просторечной фразеологии и создание юмористического эффекта на базе стилистической оппозиции *высокое — низкое*, ср.:

На склоне трудового дня на кухню с сумками войдя,
 Ты опозорила меня в глазах Флакона и Гвоздя.
 И прервала важнейший тост
 за силу органов мужских,
 и за финансовый прирост,
 и в жизни совокушность их.
 Я нёс добро и конструктив, стремясь к консенсусу,
 Когда мой конструктив не оценив, ты мне ударила ТУДА.
 Ты мне ударила туда, где я носил твоих детей,
Послав туда же навсегда двух уважаемых людей.
 (Сама козел)

В вышеприведенном фрагменте зашифрованы известный все россиянам тост (*чтоб х*й стоял и деньги были*) и эмоциональная реакция на неприятную ситуацию (*иди/пошел на х*й*). Фоном

для их введения является пафосное описание бытовой ситуации (пьянки на кухне) с использованием книжных стилистических средств — лексических (*на склоне трудового дня, прервать, совокупность, стремиться к консенсусу*) и грамматических (деепричастия — *войдя, стремясь, не оценив*).

Таким образом, просторечие в текстах песен Слепакова — это и «объективная» регистрация положения дел в языке, и своеобразная запись как бы подслушанных текстов, а также — легитимизация такого языка, вторичное закрепление права народа на свой язык.

Следующим примером своеобразного гимна просторечию является идиолект главного героя из сериала *Вампиры средней полосы* (2021) — вампира-дедушки Станислава Вернидубовича Кривича, созданный сценаристами Алексеем Акимовым, Ольгой Симоновой, Константином Гарбузовым и др. В этой роли выступил Юрий Стоянов. Герой Стоянова — бессмертный вампир, помнящий, судя по имени, еще времена Киевской Руси, доживший до наших времен и проживающий в Смоленске. Он не один, у него есть семья, члены этой семьи (также вампиры) — полицейская Анна, врач Жан, преподаватель Ольга и студент Женя.

Авторам сериала не только удалось создать оригинальных героев, но и наделить каждого из них своим собственным языком, отражающим их происхождение, социальный статус, культурный багаж и мн. др. Так, например, Жан — это французский офицер, обращенный в вампира «дедом Славой» во время Отечественной войны 1812 года. Его речь изысканна, полна заимствований и вкраплений из французского языка. Женя — обычный российский студент, обращенный недавно и случайно во время аварии маршрутки. Он говорит на молодежном сленге.

Но наиболее красочный речевой портрет был создан именно для Станислава Вернидубовича. Он представляет собой смесь устаревших и современных языковых форм, причем последние в большинстве — просторечные: *фигня* — прост., разг., сниж., груб. ‘чепуха, ерунда’, *ссать* — прост. вульг. ‘мочиться’, здесь: *ссать в интернет фигней* — ‘засорять интернет ненужными сведениями’, *растрезвонить* — прост./разг., неодобр. ‘разгласить конфиденциальную информацию’, *ентот (энтот)* — диал., прост. ‘этот’, *мысля* — разг., имитация прост. ‘мысль’, *токмо* — арх., церк. ‘только’ и мн. др., ср.:

Женька: Это просто запись влога.

Дед Слава: Хреналога! Я тебя для чего обратил, а? Чтобы ты всякой фигнёй про вампиров в интернет не ссал. Мол, вампиры света солнечного боятся. Ага. Вампиры в зеркале не отражаются. Так ты чё, теперь решил всем правду растрезвонить?

Жан: Хорошо, зачем ей нам помогать?

Дед Слава: Подозрения отводит. Гараж *ентот* и без неё бы нашли. А так она вроде как участвует. Жанчик, что думаешь?

Жан: Дедуль, если я бы знал, что творится в голове у этой женщины, мы бы не сошлись и не поженились бы.

Дед Слава: Есть у меня одна *мысля*, как её на чистую воду вывести. *Токмо* без тебя тут никак. Чё смотришь? Поехали.

Кроме просторечной лексики в речи деда Славы выступают речевые шутки и прибаутки (чаще всего в ответ на предыдущую реплику): *ну че? — в ж*пе горячо!; влога — хреналога, опаньки для попаньки*, народные эвфемизмы, призванные заместить нецензурные словосочетания для выражения досады или удивления: *Евпатий Коловрат!*, *Ёкарный ты малахай!*, пословицы и поговорки: *Бабам и гидромедцентру верить нельзя; Урожай между посеять и собрать, — он еще вырасти должен; О, я же говорю: главное памятник поставить, а голуби сами прилетят; Плуг коню не помощник*; образные сравнения и фразеологизмы: *выёживаешься, как мэр на дне города; у него мозг, как у ракушки; это не кровь, а течка лосихи; ну не жить же теперь, как скотина во хлеву; с ней спорить — всё равно что мыло жрать; у тебя ж обучаемость, как у улитки; а то нахохлился, как вошь на гребне; похоже, амба мне приходит; вот дуба врежу здесь, ты ж не отпишешься потом* и мн. др. Многие используемые героем фразеологизмы и номинации — это творчески переработанные, как бы «переведенные» в просторечную стилистику соответствия разговорных употреблений. Например, фразеологизм *вилять (вертеть) хвостом* в значении ‘хитрить, лукавить’ в речи Станислава Вернидубовича приобретает форму *водить хоботом* и *вертеть ж*пой*, а также *вертиж*пить*, фразеологизм *заткнуть хлебало* в значении ‘заставить замолчать’ превращается в *прополоскать хлебало* в значении ‘очистить речь, заставить говорить правильно’, ср.:

— Хватить хвостом-то вилять, из-за твоей личной жизни нам скоро бошки поотрывают.

КРАСОТА ПРОСТОРЕЧИЯ...

— Если она, сука, опять тут начнет хоботом водить, я её прямо отсюда к хранителям и отведу.

— Вертиж*пишь, внученька.

Речь героя богата обидными прозвищами, некоторые из которых относятся к разряду устаревших (*мил человек, межеумок лободырный, малохольный, сопля зеленая, расщеколда ты дурная, скопыжник, охальник*), а некоторые — образованы при помощи сложения от разговорных или просторечных фразеологизмов: *жевать сопли* в значении 'медлить, бездействовать, тянуть время' — *соплежуй, руки из ж*пы растут* (о неумелом или неуклюжем человеке) — *рукож*п* и мн.др.

Интересно и то, что идиолект Станислава Вернидубовича противопоставляется создателями современному интержаргону, на котором говорит, в частности, Женька и другие молодые россияне, ср.:

Иван: Всем доброе, а где у вас тут?...

Дед Слава: Вот трудно было ему добавить «доброе утро»? Всем доброе, спки, норм, будь, приятного. Скоро вообще по-русски разучитесь разговаривать, жертвы ЕГЭ.

Дед Слава: Вы общаться по-человечьи ж разучились. Только вот, вот это вот...

Женька: Чёё? Свайпать?

Дед Слава: Я те хлебало керосином-то прополощу! Свайпать...

Таким образом, в образе и речевом портрете деда Славы просматриваются народ и народность, живое народное начало, не стыдное, не уродливое, а самобытное, поэтическое, красивое. Создание яркой и образной речи достигается в основном за счет креативного использования просторечия, которое становится здесь основным стиле- и смыслогенерирующим элементом, не только легитимизированным, но и поэтизированным.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что рассмотренные примеры свидетельствуют об изменении в восприятии просторечия в речевом пространстве русской культуры. Становясь средством положительной характеристики персонажей, просторечие в них эстетизируется, приводя также к изменению в восприятии красивого и некрасивого в языке.

REFERENCES

- Belikov, Vladimir, Krysin, Leonid. *Sotsiolingvistika*. Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyu gumanitarnuyu universitet, 2001 [Беликов, Владимир, Крысин, Леонид. *Социолингвистика*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2001].
- Gorodskoye prostorechiye: *problemy izucheniya*. Zemskaya, Yelena, and Shmelev, Dmitriy (Eds.). Moskva: Nauka, 1984 [Городское просторечие: проблемы изучения. Земская, Елена, и Шмелев, Дмитрий (ред.). Москва: Наука, 1984]
- Kiseleva, Lidiya. "Gorodskoye prostorechiye. 25 let spustya." *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement*, 2009, no. 2: 68–77 [Киселева, Лидия. "Городское просторечие. 25 лет спустя." *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement*, 2009, no. 2: 68–77].
- Khimik, Vasiliy. *Poetika nizkogo, ili prostorechiye kak kul'turnyy fenomen*. Sankt Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPBGU, 2000 [Химик, Василий. *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*. Санкт Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2000].
- Krysin, Leonid. *Sotsiolingvisticheskiye aspektu izucheniya sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva: Nauka, 1989 [Крысин, Леонид. *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*. Москва: Наука, 1989].
- Krysin, Leonid (Ed.). *Sovremennuyu russkiy yazyk. Aktivnyye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008 [Крысин, Леонид (ред.). *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков*, Москва: Языки славянских культур, 2008].
- Kveselevich, Dmitriy I. *Tolkovuyu slovar'nenormativnoy leksiki russkogo yazyka*. Moskva: AST, 2005 [Квеселевич, Дмитрий И. *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*. Москва: АСТ, 2005].
- Markowski, Andrzej. *Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne*. Warszawa: PWN, 2006.
- Russkaya razgovornayarech'. *Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest*. Zemskaya, Yelena (Ed.). Moskva: Nauka, 1983 [Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. Земская, Елена (ред.). Москва: Наука, 1983].
- Sinyavskaya-Suykovska, Tatiana. "Rechevoye povedeniye russkikhv romanakh D. Dontsovoy: interzhargon i rechevaya agressiya." *Yazyk i sotsial'naya deystvitel'nost'*. Grigor'yeva, Tatiana (Ed.). Bydgoshch–Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2009: 108–117 [Синявская-Суйковская, Татьяна. "Речевое поведение русских в романах Д. Донцовой: интержаргон и речевая агрессия." *Язык и социальная действительность*. Григорьева, Татьяна (ред.). Быдгощ–Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2009: 108–117].
- Sinyavskaya-Suykovska, Tatiana. "Chto mozhno uznat' o Rossii iz zhenskikh detektivov: kul'turapovednevnosti i osobennosti rechevogo povedeniya rossiiyan." *Socjolingwistyczne badania w teorii i praktyce: ujęcie interdyscyplinarne*. T. 2. J. Mampe, and Ł. Owczinnikowa (Ed.). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015: 76–91 [Синявская-Суйковская, Татьяна. "Что можно узнать о России из женских детективов: культура повседневности и особенности речевого поведения россиян." *Socjolingwistyczne badania w teorii i prak-*

КРАСОТА ПРОСТОРЕЧИЯ...

- tyce: ujęcie interdyscyplinarne*. Т. 2. J. Mampe, and Ł. Owczinnikowa (Ed.). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015: 76–91].
- Slova, s kotorymi my vsevstrechalis'*. *Tolkovyy slovar' russkogo obshchego zhar-gona*. Rozina, Raisa I. (Ed.). Moskva: Azbukovnik, 1999 [*Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*. Розина, Раиса И. (ред.). Москва: Азбуковник, 1999].
- Titova, Yelena. "O stilisticheskom statuseprostorechiya v russkom yazyke (leksikograficheskiy obzor)." *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, ser. 9, 2009, vup. 3: 306–311 [Титова, Елена. "О стилистическом статусе просторечия в русском языке (лексикографический обзор)." *Вестник Санкт-Петербургского университета*, сер. 9, .2009, вып. 3: 306–311].
- Tolstoy, Nikita. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike*. Moskva: Indrik, 1995 [Толстой, Никита. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Москва: Индрик, 1995].
- Warchala, Jacek. *Kategoria potoczności w języku*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2003.